1 Глава

Изумруд или эхо девяностых

«Куда пошёл? Бери! Хватай!» —
Кричал Иван своим друзьям,
Что разбрелись по уголкам
На стройке новых этажей
Любимой Родины моей.
Ведь тяжело даётся труд,
Когда возводишь «Изумруд».
А «Изумрудом» звался дом —
В тридцать этажей объём!
Он вырос прямо на поляне
В районе нового пруда,
Куда мы с сыном выезжали
Ловить там рыбу на живца.

К масштабной стройке мы вернёмся,
А прежде должен я сказать:
О крае том, где мы родились —
Ту красоту не описать!

Ах, это диво — Забайкалье!
Поля, берёзы и луга...
Река в туманной, тонкой шали
Петляет тихо, как змея.
Я вырос здесь, и слов не хватит,
Чтоб эту магию воспеть.
В её неброском, чистом платье
Хотел бы вечно сердце греть.

Куда б пути ни уводили,
Я помню зов родной земли.
За каждый миг скажу «спасибо»
И поклонюсь ей до земли.
В горах багульник зацветает,
Степей безбрежных широта...
Здесь сердце волю обретает,
И в каждом вдохе — чистота.

Когда семьёй мы выезжаем
К озёрным водам в летний зной,
На Арахлее понимаем:
Вот он — причал и дом родной.
Лазурь и блеск озёр так чисты,
Они поют с тобой «на ты».
Но как сберечь простор лучистый,
Дар первозданной красоты?

Приятно там душой коснуться,
Где чистота и тишина.
Чтоб в это место вновь вернуться,
Забота каждого нужна.
И я приеду в то же место,
Где до меня жило семейство,
Оставив после лишь себя
Из камня сложенный узор,
Где грел когда-то их костёр.

Пока палатку собираешь,
Любимая накроет стол.
Шашлык в мангале сын пожарит,

А дочка развёдет костёр.
И в этом малом, общем деле
Мы стали ближе, чем вчера.
Под тихий плеск родной волны
Нам петь и греться у костра.

Гитара тронет струны нежно,
Растает в сумерках закат.
И счастье будет бесконечным,
Как этот звёздный водопад.
И вот, стоя на берегу,
Я вижу дивный сей пейзаж:
Вода застыла в тишине,
Как зеркало веков глубоких.

Она хранит в своей волне
Отсвет костров тех одиноких.
И солнце, заходя за лес,
Коснувшись озера слегка,
Дорожку чертит до небес,
Как будто шепчет нам: «Пока!»
И по дорожке золотистой
Порой так хочется бежать,
Чтоб главный смысл этой жизни
Вовек уже не потерять.

И пусть летят за годом годы,
Мы не забудем край родной.
Под вечным куполом свободы
Найдём и счастье, и покой.

Конец столетия уж шёл, когда
Мои герои родились.
Им довелось застать сполна
Те годы, что «лихими» назвались.
Эх, девяностые! Кошмаром
Для многих пронеслись недаром:
Кого задели лишь слегка,
С кого — взыскали дополна.

В разгаре тех тревожных дней,
Что злой лихою долей звались,
Страна горела всё сильней...
Сдержать огонь в Кремле пытались,
Но власть при Ельцине тогда
Решила вдруг пойти ва-банк,
И по указу от Гайдара
Был брошен в дело мощный «танк» —

Программа... их бывало много,
Но в память врезалась одна:
Как «шоковая терапия»
Для всех прославилась она.
Её задача — радикально,
За счёт финансов и реформ,
Извлечь страну из ямы дальной,
Прервав паденье и раздор.

Но вышло, впрочем, как всегда:
В один лишь миг, почти мгновенно,
В огромной Родине моей
Все стали бедными смиренно.

Где жизнь людей короче стала,
Здоровье начало сдавать,
И инженеров рать устало
На рынок вышла торговать.

А те, кто сохранил вложения,
Почуяв трещины в пути,
За океан, за утешением,
Решили поскорей уйти.
Мы денег ждали месяцами,
Забыв, как выглядят счета.
Входила в семьи визуально
Глухая, злая нищета.

Отец и мать не унывали,
Хоть по полгода не платили —
Едой за труд вознаграждали,
Чтоб мы хоть как-то выживали.
Мешками — сахар и мука,
Тушенка, ящик макарон...
Тянулась мамина рука
Делить семейный рацион.

Консервы в ряд, «Живец» в томате —
Вот весь нехитрый капитал.
Но в нашем скромном, мирном быте
Никто из нас не унывал.
Пусть кошельки в семье пустели,
Но нас невзгоды не задели,
Ведь детьми мы ещё были:
Гулять на улицу летели

До наступленья темноты.

Там ждал футбол в пылу азарта,
На пустыре, за гаражом,
Где без судейства и без старта
Мы бились, дорожа мячом.
Хоккей в коробке, на снегу ли —
Два кирпича — и вот врата.
Мы шайбу яростно тянули,
Прогнав морозы со двора.

Любили в лес ходить в походы,
Картофель запекать в углях,
Рассказы слушать про невзгоды
И о неведомых краях.
Мы о полетах в космос всё мечтали,
Считая звезды в небесах.
И в то, что мир велик — мы знали,
С улыбкой детской на устах.

Ведь Родину не выбирают,
Как и родителей своих.
Они нам в жизни помогают —
За это мы и любим их.
И до последнего их вздоха
Мы будем рядом, чтоб они
В лучах заботы согревались,
А не гасили свои дни.

Пусть мама с папой будут рядом,
Пусть долго длятся их года,

Чтоб согревали мудрым взглядом
И были счастливы всегда!

* * *

Ну вот, настал тот миг и час,
Начать правдивый мой рассказ.
Я познакомлю с ними вас —
Друзьями моего романа,
Героями тех давних дней,
Веселой юности моей.
Их было трое. Путь один,
От стройплощадок до руин.

Ребята возводили города,
Не зная, что придет беда.
Что вместо мирного труда
Их ждет небесная орда.
Там, на переднем крае битвы,
Где пламя жестче, чем у бритвы,
Они встали за свою страну —
Строители, прошедшие войну.

Иван Смирнов — мой первый друг,
Был силен духом и душой.
На «тройки» в школе он учился
И был доволен он судьбой.
А что ребенку больше надо?
Одет, умыт и сыт сполна,
И в школе с самого утра.
Таких, как Ваня — миллионы:
Одежда, форма и вообще
Мы под копирку были все.

На переменах в младших классах
Вдоль коридоров визг стоял,
И шум стихийный, в разных красках,
В пролетах школьных бушевал.
Учителей по-человечьи жалко:
Как сквозь лавину лиц и глаз
Они несли прилежно, ярко
Свет знаний в каждый буйный класс?

Ну вот, с последнего урока
Долгожданный звон звенит,
И первоклашка наш Иван
С друзьями поскорее в лес бежит.
А лес стоит наш возле школы,
Что видно даже из окна,
Как простирается на сотни метров
Густая чаща — леса тьма.

Укутанные белым покрывалом,
Берёзы, сосны в ряд стоят,
Как будто кто-то от мороза
Накрыл их: пусть родные спят.
Лишь дробный след «косого» где-то
Прошьет нетронутый сугроб,
Да снегири — осколки лета —
Румянцем красят небосвод.

Спешит орава в лес, на горку,
Навстречу ветру, всей гурьбой.
Кто на санках, на картонке,

И капот от «ЗИЛа» — сразу в бой!
В снегу штаны, в ушах лишь ветер,
Толпой бесстрашной мчимся вниз.
Счастливей всех на целом свете -
Нас кружит драйв и дерзкий риск!

Я и сам летал на том капоте,
Срывая голос в виражах.
Такой восторг в крутом полете
Не передать в простых словах!
Пусть коркой льда взялись одежки,
И щеки пламенем горят —
Мы в этой снежной суматохе
Счастливей во сто крат подряд!

А наш Иван — портфель под мышку,
Летит, восторженно крича:
«Эй, расходитесь! Сторонитесь!
Дорогу дайте для меня!»
Вверху на горке, как обычно,
Народу было — не пройти.
Герой летит, в азарте сшиб мальчишку —
И оба кубарем в кусты!

Смеясь взахлёб, лицо в снегу,
Лежат мальчишки на боку.
Колени в дырах, шубы — в хлам!
И говорит тогда Иван:
«Прости меня, что сбил тебя!
Но что же делать? Как нам быть?
Где шубы новые добыть?»

Мальчишка тот Сергеем звался,
Смышлёным был не по годам.
Сходить к бабуле предложил он,
Чтоб «подлечить» одёжу там.
А бабка знатная была,
На все дела — искусница:
Зашила так, что ни одна
Не придерется умница!

И вот, позвольте мне, друзья,
Второго друга вам представить:
Серёжа Разин — был умён,
Но скромность тихая при нём
Всегда Сергею так мешала
Сказать заветные слова...
И он молчал, хотя всё знал.

Росли мальчишки, крепла дружба,
Один за всех — и все за одного!
Была им школа словно служба,
А двор — роднее своего.
На стройках старых штаб ваяли,
Секреты прятали в песке
И понемногу понимали,
Что жизнь не только в дневнике.

Сбивали в кровь свои ладони,
В футбол гоняли дотемна,
И на «разборках» в их районе
Стояли вместе, как стена.

Один за книгу брался дома,
Другой — на ринг, качать кулак,
Но всё, что было им знакомо,
Делили честно: что и как.

А в выходные собирались
У друга дома — в «Денди» поиграть.
В «Марио», в «Танки» так рубились,
Что джойстик не хотели выпускать!
И «Контра» проходилась на ура,
Хоть жизнь частенько лишь одна была.
Ведь у Сергея одного приставка —
К нему и шла с восторгом детвора.